

все я деньги затапывалъ. Вотъ мужикъ поѣхалъ съ водой на купцѣ къ чертямъ. Приѣхалъ къ нимъ, а они играютъ. А онъ говоритъ: ка-бы меня на тотъ свѣтъ кто вывезъ, у насъ еще лучше тамъ играютъ. Одинъ хорошій чортъ выскочилъ да и говоритъ: дай я тебя вывезу на тотъ свѣтъ. Мужикъ сѣлъ на него. Онъ его до половины вывезъ, а тамъ не осилилъ да и уронилъ. А другой выскочилъ говоритъ: дай я тебя вывезу на тотъ свѣтъ. И вывезъ его. Они пошли къ одной бабѣ. Пришли да стали въ сундукъ ворочать, а пѣтухъ запѣлъ. Чортъ отъ мужика и сталъ отдаляться, да кричитъ ему: иди поскорѣе. А мужикъ думаетъ: дай-ко мнѣ отъ васъ вырваться-то! Разсвѣло. На-ранѣ церковь стала какъ была, а чортъ ушелъ.

XXVII.

Жилъ богатый купецъ, у него денегъ было много, не то что мѣрами мѣрилъ, а лопатой гребъ. Ъхалъ мимо того купца старичокъ и взялъ у него курицу. Тотъ купецъ увидалъ и давай его догонять; догналъ и говоритъ ему: что-жъ ты уѣхалъ не расчесая за курицу? Онъ и говоритъ ему: много-ль же тебѣ?— Два цѣлковыхъ.—Приноситъ и кидаетъ ихъ въ за-кормъ. Сынъ стоитъ подлѣ денегъ и говоритъ: что-жъ мой отецъ за курицу взялъ два цѣлковыхъ, она не стоитъ для меня двухъ копѣекъ. Беретъ эти деньги и побѣгъ догонять старичка; догоняетъ и говоритъ: почтенный, на вотъ твои деньги, отецъ взялъ за курицу, курица для меня двухъ копѣекъ

не стоитъ. Старичокъ ему и говоритъ: ну, братъ, придетъ Свѣтлое Христово воскресенье, ты уберись къ заутренѣ, ничего не бери, иди одинъ. Будешь подходить къ церкви, ометъ соломы будетъ ѣхать и горѣть, ты сядишь на него и поѣзжай. Приходитъ Свѣтлое Христово воскресенье, тотъ человѣкъ убрался и пошолъ къ заутрени; подходить къ церкви, вдругъ ометъ соломы ѣдетъ и горитъ. Онъ сѣлъ на него и поѣхалъ. Ёхали ни мало, ни много время, человѣкъ безъ рукъ безъ ногъ пташку ловить и спрашиваетъ у него: почтенный! куда ты ѣдешь, куда тебя Богъ несетъ?—Я не знаю.—Спроси тамъ, куда приѣдешь, сколько мнѣ время мучиться.—Хорошо, скажу. Еще ѣхалъ ни мало ни много время, домъ горитъ. Около этого дому человѣкъ бѣгаетъ, все кричитъ озябъ и спрашиваетъ: почтенный! куда ты ѣдешь, куда тебя Богъ несетъ? Скажи про меня тамъ сколько мнѣ время мучиться?—Хорошо, скажу. Еще ѣхалъ ни мало, ни много время, двѣ снохи другъ дружку кланяются и говорятъ ему: почтенный! куды ты ѣдешь, куда тебя Богъ несетъ? Скажи тамъ про насъ сколько намъ время мучиться.—Хорошо, скажу. Еще ѣхалъ ни мало, ни много время, двѣ бабы изъ колодезя въ колодезь воду переливаютъ и говорятъ ему: почтенный! куда ѣдешь, куда тебя Богъ несетъ? Скажи тамъ про насъ, сколько намъ время мучиться?—Хорошо, скажу. Еще ѣхалъ ни мало, ни много время, стоитъ рыба на сухопутьи и говоритъ ему: почтенный! куда ты ѣдишь, куда тебя Богъ несетъ? Скажи тамъ про меня, сколько мнѣ время мучиться.—Хорошо, скажу. Еще ѣхалъ ни мало, ни много время, стоитъ золо-

той дворецъ, подѣзжаетъ онъ къ тому дворцу, встрѣчаетъ его тотъ старичокъ и говоритъ: ахъ, что ты долго? Ну да ничего. Разговѣлись и далъ онъ ему ключи: вездѣ ходи гляди, только въ одну комнату не смотри. Онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ, кто за языкъ повѣшенъ, кто за руки, кто за ноги, кто за ребро и думаетъ себѣ на умъ, что онъ ни въ какую комнату не посмотри. Взялъ да и посмотрѣлъ. А его отецъ тамъ въ смолѣ кувыркается. Онъ хотѣлъ его вытащить, ухватился за бороду, борода оторвалась. Онъ приходитъ и говоритъ старичку: ахъ, согрѣшилъ! Ну да ничего. Онъ ему и началъ рассказывать: ѣхалъ ни мало, ни много время, человѣкъ безъ рукъ, безъ ногъ птичку ловить, за что онъ мучается?—Это вотъ за что, которые птишекъ ловили да въ клетку сажали, они вѣчно будутъ мучиться.—Еще я ѣхалъ ни мало, ни много время, домъ горитъ, около дома человѣкъ бѣгаетъ и все кричитъ озябъ. Этотъ за что мучается? — Это вотъ за что: который дворъ поджигалъ. Онъ вѣчно будетъ мучиться.—Еще я ѣхалъ ни мало, ни много время, двѣ снохи другъ дружку кланяются. Это за что мучаются?—Это вотъ за что: двѣ сестры другъ дружку ругали, онѣ вѣчно будутъ мучиться.—Еще я ѣхалъ ни мало, ни много время, двѣ бабы изъ колодезя въ колодезь воду переливаютъ. Эти за что мучаются?—Это вотъ за что: которыя бабы на торгъ молоко носили да воды подливали, онѣ вѣчно будутъ мучиться.—Еще я ѣхалъ ни мало, ни много время, стоитъ рыба на сухопуты. Эта за что мучается?—Это вотъ за что: та рыба проглотила шесть кораблей, два крещеныхъ,

да четыре некрещеныхъ. За то ее прощаю, что больше некрещенаго народа проглотила. Подъѣзжай къ ней и скажи ей, что я ее прощаю пусть идетъ куда хочетъ. Онъ подъѣхалъ и говоритъ ей: тотъ старичокъ тебя прощаетъ и я тебя прощаю, ступай куды хочешь. Въ ту пору вода захлестнула ту рыбу, она и ушла. Пріѣзжаетъ онъ домой, отецъ его встрѣчаетъ и говоритъ ему: гдѣ ты былъ?—Вотъ, батюшка, гдѣ былъ, вотъ она борода-то твоя! Тамъ теперь стоитъ бочка, на бочкѣ корецъ, всей сказки конецъ.

XXVIII.

ИВАНУШКА ШУТНИЧОКЪ И ВИОЛЕЕНА БОГАТЫРША.

Жилъ былъ купецъ. У него было три сына, два умныхъ, а третій дуракъ. Были они богатыри. Отецъ и говоритъ: дѣти мои умные, въ этакое-то мѣсто есть Виолеена богатырша, у ней въ саду есть живая и мертвая вода и молодежавыя яблоки. Ежели бы вы мнѣ достали, я бы вамъ дорого заплатилъ. Братья и стали себѣ выбирать коней.—Выбрали и поѣхали. Подъѣзжаютъ они туда, къ тому саду; около того саду ограда на двѣнадцать сажень вышины и струнами обтянута, за струны лѣвы привязаны. Пріѣхали они туда и стали спрашивать: что, нельзя намъ достать живой и мертвой воды и молодежавыхъ яблокъ? — Эхъ, братцы, гдѣ-жъ вамъ!